

Бабошин Константин Игоревич

**Социально-политическая стабильность в современной России:
социологический анализ.**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, политические и национальные процессы и технологии (по социологическим наукам).

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Саратов - 2005

Диссертация выполнена в Саратовском государственном университете
им. Н. Г. Чернышевского

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент

Завгородний Александр Иванович

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор

Вилков Александр Алексеевич

кандидат социологических наук, доцент

Добрин Кирилл Юрьевич

Ведущая организация: Пензенский государственный
Университет архитектуры и строительства

Защита состоится «22» декабря 2005 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.06 по социологическим наукам при Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, корпус IX, ауд. 402.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале № 3 научной библиотеки Саратовского государственного университета.

Автореферат разослан «21» ноября 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.В. Калинникова

2006-4
25894

2243372
3

Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Актуальность изучаемой проблемы обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что в современном политическом мире проблема социально-политической стабильности стоит достаточно остро и политическая власть практически всех стран пытается решить проблему достижения социально-политической стабильности. Стабильность является неременным условием развития любого современного общества. Следует особенно отметить тот факт, что для полноценного развития необходима стабильность во всех сферах общественной жизнедеятельности. Невозможно представить положительные качественные стабилизационные изменения одной сферы при дестабилизации и деградации другой. Современная Россия в данном случае не является исключением, и федеральная власть основной задачей последних лет ставит достижение стабильности во всех сферах общественной жизнедеятельности, несколько разбалансированных в первые годы демократических общественных преобразований. При этом, учитывая специфику данных изменений, особую значимость начинает приобретать проблема стабилизации социально-политических процессов и отношений, в значительной степени обусловленных спецификой федеративного построения российского государства, где ряд регионов обладает значительными финансово-политическими ресурсами, что нередко являлось причиной дестабилизации отношений между данными регионами и федеральным политическим центром. Относительная политическая независимость регионов зачастую не позволяла федеральным политическим институтам осуществлять запланированные социально-политические проекты в полном масштабе, что нередко приобретало форму открытого противостояния и что, естественно, усиливало дестабилизацию политических процессов в масштабах всего государства.

Однако с приходом к власти нового Президента и его администрации ситуация несколько изменилась. Федеральный центр начал принимать шаги по устранению подобных негативных тенденций в отношениях между федеральными и региональными политическими институтами, что находит выражение в укреплении «вертикали власти», назначении глав администраций субъектов РФ и т.д.

Это обуславливает необходимость всестороннего и глубокого изучения проблемы политической стабильности в рамках межрегиональных отношений и отношений регионов с политическим центром. Важной исследовательской задачей становится социологический и политологический анализ трансформации социально-политических институтов, в значительной степени обуславливающих стабилизацию и, соответственно, дестабилизацию политических отношений между регионами и политическим центром. В современном российском обществе актуализируется вопрос достижения и сохранения политической стабильности, проявляющийся во все новых

действиях политического центра, которые требуют системного, комплексного анализа.

Степень научной разработанности проблемы. В широком спектре проблем социально-политическая стабилизация и дестабилизация в рамках отношений между федеральными и региональными социально-политическими институтами относятся к одним из наименее изученных, несмотря на то важное обстоятельство, что исследуемая проблема является предметом изучения ряда социологических и политологических дисциплин.

В широком спектре научных публикаций, так или иначе относящихся к данной проблематике, можно выделить несколько групп:

Во-первых, это труды теоретико-методологического характера, обосновывающие и раскрывающие проблему социальной стабильности в целом. Изучение влияния на социальную стабильность различных факторов политического, экономического, социального и пр. свойства проводилось в трудах представителей самых разных социологических и политологических школ (Т. Парсонс, С. Хантингтон, Д. Кола, А. Коан и др.).

Вторую часть составляют исследования проблем политических изменений (идеи сторонников «контекстуалистского» (Р. Арон, Р. Даль, Б. Рассет, С. Липсет и др.) и «институалистского» (С. Хантингтон, Т. Скокпол, Д. Марч и др.) подходов) и проблем демократизации и демократических переходов. В контексте изучаемой проблемы достаточно актуальны модели демократических переходов, предложенные известными западными авторами: Д. Растоу, Г. О'Доннел, Г. Шмиттер, А. Пшеворский, идеи которых использовались в данном исследовании. Также в работе рассматриваются работы других, не менее известных ученых: К. Даудинг, Р. Кимбер, Д. Яворски, Э. Циммерман, Д. Сиринг, Э. Дафф, Д. Маккамант, С. Эрссон, Я.-Э. Лэйн, Д. Сандерс, М. Олсон, Г. Алмонд, С. Верба. Во второй части исследования также рассматривается проблема посткоммунизма и демократического транзита, посредством изучения идей знаменитых отечественных социологов (Ю. Левада, В. А. Ядов, Л. Шевцова, В. Петухов, Г. В. Осипов, Пантин, Ж. Рупник, Г. Шопфлин, М. Вайнер, С. Стоянович, Пантин В.И., Вайнштейн Г.И., Лапкин В.В., Дилигенский Г.Г.), которые в полной мере можно отнести к теориям «среднего уровня» и среди которых целесообразно отметить теорию демократического перехода предложенную О.Г. Харитоновой.

Третью группу работ составляют труды исследователей проблем регионалистики (П. Г. Щедровицкий, Л. Рэмхельд, Распопов, В.И. Осипов, Бусыгина, Климанов, Назаров, А.А. Галкин, П.А. Федосов, С.Д. Валентей, В.Д. Соловей, Т.Д. Мамаров, Ф.Б. Садочков, М.Н. Афанасьев, А.Г. Чернышов и др.), которые рассматривали регион с социологической и политологической точки зрения во всей динамической совокупности взаимоотношений как с федеральными, так и с различными региональными социально-политическими институтами.

Особенно следует выделить вклад саратовской социологической и политологической школы в исследование проблем социально-политического институционального развития региональных отношений. Целесообразно при этом упомянуть имена таких ученых как Г.В. Дыльнов, Л.С. Аникин, В.М. Долгов, А.И. Завгородний, А.Д. Крахмалева, Б.Э. Поликарпов, Т.И.

Трубицына, О.Ю. Красильников, А.Н. Кочетов, О.Н. Фомин, С.И. Барзилов, и др., чьи работы оказали значительное влияние на рассмотрение изучаемой проблемы.

Но также необходимо отметить, что во всем многообразии работ, посвященных исследованию проблем демократических институциональных трансформаций и стабилизационных процессов, наблюдается относительная неполнота раскрытия проблемы политической стабильности в рамках политических отношений между политическим центром и регионами. При всем обилии и различии рассматриваемых сторон проблемы, предлагаемый в диссертации ракурс темы в аспекте направления вектора политической стабильности в условиях трансформации социально-политических институтов освещен в отечественной политологической и социологической науке не достаточно широко. Кроме того, несмотря на многообразие публикаций по различным аспектам проблемы политической стабильности, до сих пор не встречается какой-либо серьезный анализ роли межрегиональных отношений в обеспечении политической стабильности в масштабах всего государства.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является выявление функционального значения и институционального механизма достижения социально-политической стабильности в современной трансформирующейся России.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать состояние теоретико-методологической разработанности проблемы социально-политической стабильности в науке;
2. Выявить основные институциональные факторы и условия социально-политической стабилизации в современной России;
3. Оценить характер демократических преобразований в современных российских условиях;
4. Исследовать и проанализировать социально-политические отношения между социально-политическими институтами федерального центра и региона;
5. Определить степень стабильности взаимосвязей социально-политических институтов федерального центра и региона;

Объектом исследования выступают социально-политические отношения между институализированными социально-политическими субъектами федерального и регионального уровней;

Предметом исследования являются политические процессы, возникающие в ситуации трансформации институционального политического пространства современной России и обуславливающие социально-политическую стабильность;

Методологической и теоретической основой исследования послужило использование системного и структурно-функционального подходов к пониманию проблем социально-политического характера. Достоверность научных выводов и практических рекомендаций основывается на теоретических и методологических положениях, сформулированных в исследованиях российских и зарубежных ученых, а также на результатах

сравнения разработанных положений и их сравнения с существующими в современной социологической и политологической науке аналогами. При решении заявленных задач также активно применялся историко-компаративный и статистический методы, позволяющие правильно применить эмпирическую составляющую исследования и подтвердить имеющиеся выводы.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные и фактологические материалы на базе опросов, проведенных такими крупными центрами социологических исследований, как Ромир-Мониторинг, ВЦИОМ, ФОМ и др. Осуществлялся анализ документов органов государственной власти и нормативных актов законодательных органов государственной власти. В работе также широко использовались публикации по проблематике исследования, отраженные в российской и зарубежной печати. Был проведен вторичный анализ результатов социологических исследований, опубликованных на страницах периодической печати и проводимых в различных регионах страны.

Научная новизна исследования определяется мотивированным пониманием недостаточной проработанности исследуемой проблемы в социально-политической науке, а также следующими положениями:

- По-новому проанализированы и обобщены подходы к проблематике социально-политической стабильности, предложено авторское определение социально-политической стабильности;
- С современных теоретических позиций социологии и политологии проведено исследование процессов социально-политической стабилизации;
- Выявлены особенности институирования социально-политической субъектности регионального уровня;
- Проведена научная разработка проблематики механизмов стабилизационных процессов на региональном уровне;
- С точки зрения современной социологической и политологической теории рассмотрена сущность социально-политической стабильности в контексте отношений социально-политических субъектов федерального и регионального уровней;

Положения, выносимые на защиту:

1. Учитывая специфику социально-политических процессов, процессов государственного управления и функционирующего в стране механизма регулирования социально-политических отношений на федеральном и региональном уровнях, говорить о социально-политической устойчивости, было бы некорректно. Вместе с тем, современную российскую политическую систему можно в полной мере назвать «стабильной». Курс, взятый российской властью, предсказуем, цели определены, признаки каких-либо надвигающихся политических кризисов не просматриваются;
2. Складывающийся в современной России политический режим имеет яркие признаки и либерализма, и авторитаризма, что обуславливает специфику механизмов социально-политических стабилизационных процессов, выражающуюся в невозможности достижения социально-политической устойчивости при наличии социально-политической стабильности. Данный политический режим может быть охарактеризован как «Авторитарный либерализм»;

3. Социально-политические трансформации в России последнего десятилетия не носят глубинный характер и на сегодняшний день являются тем, что в научной литературе получило название законченного «демократического транзита», основной спецификой которого является «видимое» наличие демократических процессов и неформальное сохранение старых недемократических форм государственного управления, что присуще практически всем посткоммунистическим обществам;

4. Социально-политическая стабильность в современной России является собой стабильность социально-политических взаимоотношений и взаимодействий между политическим центром и регионами. Это находит проявление в осуществляемых российской политической властью процессах, направленных на формирование централизованной модели государственного управления, признаки которой проявляются в построении «Вертикали власти», назначении губернаторов и пр.

5. Социально-политическая дестабилизация в современной России возможна исключительно по причине возникновения дестабилизационных процессов внутри политического центра, но никак не может быть инициирована в регионах, что позволяет охарактеризовать современное состояние государства, как унитарное, с жестким централизованным управлением, а не как федерацию, где политический центр и регионы являются равными в политическом отношении. «Ведущая» роль политического центра и «ведомая» роль регионов является на сегодняшний день главной характеристикой отношений между политическим центром и регионами;

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена тем обстоятельством, что результаты и выводы, полученные в ходе изучения заявленной проблемы, могут быть применены в реализации различных государственных программ, направленных на оптимизацию и модернизацию межрегиональных социально-политических отношений.

Апробация работы. Теоретические положения, методологические подходы, практические результаты, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, излагались и обсуждались на научных конференциях преподавателей, аспирантов и докторантов, проходивших на социологическом факультете СГУ (2002-2005) и отражены в пяти публикациях автора.

Диссертация обсуждена на кафедре прикладной социологии социологического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности, определяется цель и задачи, методологические основы исследования. Указываются основные

положения, выносимые на защиту, элементы новизны, освещается теоретическая и практическая значимость работы.

Первый раздел – *«Социально-политическая стабильность: теория и методология»* – посвящен категориальной разработке проблем социально-политической стабильности и процессов социально-политической стабилизации. Современная наука дает достаточно большое количество определений «стабильности» и «стабилизации». Однако, учитывая тему диссертационного исследования, в работе делается акцент на стабильность социально-политическую и на специфику процессов социально-политической стабилизации. В данном случае следует отметить отсутствие единой точки зрения на исследуемую проблему как в западной, так и в отечественной науке. В первую очередь целесообразно указать на существенные различия между категориями «стабильности» и «устойчивости», которые характеризуют одно и то же явление лишь на первый взгляд, однако отличие между ними существенно. Собственно саму стабильность соотносят с ситуативными и оперативными параметрами социально-политической динамики, а устойчивость – со стратегическими, историческими ее измерениями. Стабильность в стране может быть достигнута путем тактического и временного соглашения между основными политическими силами (при помощи т.н. «пактов»), что не гарантирует длительного сохранения этого положения. Политическая стабильность выражает такое состояние политической динамики, при котором достигнуто временное равновесие, баланс сил основных политических акторов, после которого возможна и последующая дестабилизация, нарушение данного баланса.

Категория «социально-политической устойчивости» применима к описанию такой специфики социально-политической динамики, когда возникновение политического кризиса, т.е. ослабления или потери равновесия между политическими акторами, сопровождающегося снижением уровня или даже утратой управляемости страной со стороны государственных властных институтов, не возможно.

Таким образом категории «стабильности» и «устойчивости» можно определить как «тактическое» и, соответственно «стратегическое» сохранение заданной динамики политических процессов. Ограниченная устойчивость, инерционность в отличие от просто стабильности связаны не просто с легко нарушаемым равновесием двух или нескольких сил, их более или менее неустойчивым перемирием, а с действием определенной интегрирующей «формулы», в которую сравнительно надолго отливается политическая культура всего общества. Состояниями, противоположными устойчивости и стабильности, являются неустойчивость и нестабильность. Крайней формой неустойчивости политической динамики выступает системный кризис всех сфер общественной жизни, длительный и нарастающий характер которого ведет иногда к революциям и распаду старой политической системы. В отличие от состояния неустойчивости политической системы категория «политической нестабильности» выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся ломкой или преобразованием политической системы, а связанные скорее с перегруппировкой политических сил. В некоторых случаях

ситуацию может дестабилизировать острый правительственный кризис, вызванный, например, внезапной сменой кабинета министров.

Таким образом, как «неустойчивость», так и «нестабильность» политической жизни проявляется в форме кризисных явлений различной степени остроты, и в конечном итоге, баланс и устойчивость, с другой стороны, и кризисная утрата равновесия сил с другой, образуют два потенциальных «полюса», которые и образуют «энергетику» политического процесса и векторы его изменений.

Как уже было отмечено выше, в современной социологической и политологической науке существует большое количество взглядов на природу социально-политической стабильности, которые можно свести с следующим:

1. Стабильность понимается как отсутствие в обществе реальной угрозы нелегитимного насилия или наличия у государства возможностей ее устранить.
2. Стабильность – функционирование одного правительства в течение некоторого продолжительного времени, предполагающее, соответственно, его умение успешно адаптироваться к меняющимся реалиям. Однако с этим можно не согласиться, так как переход от стабильности к нестабильности едва ли объясним только падением того или иного правительства.
3. Определяющим фактором стабильности в демократических странах может считаться наличие конституционного порядка;
4. Стабильность как следствие легитимности политической власти;
5. Стабильность как отсутствие структурных изменений в политической системе или как наличие способности управлять ими;
6. Стабильность как модель поведения и общественный атрибут. В этом случае она приравнивается к тому положению в обществе, при котором его члены ограничивают себя социально приемлемым поведением, понимая, что любые отклонения от этих норм чреваты дестабилизацией.

Также достаточно интересны подходы западных ученых к пониманию «нестабильности». Нестабильность стоит и в тесной корреляции с термином «агрессивное политическое участие», и связывается с отношением населения и внутренних резервов самой политической системы. Многие ученые предлагают интересные способы определения факторов нестабильности, среди которых можно выделить способ предложенный Э. Даффом и Д. Маккамантом: а) перевес социальной мобилизации над социальной помощью; б) низкий уровень развития экономики; в) неравномерное распределение материальных благ; г) слабые возможности политической элиты; д) преобладание «узких», «персонифицированных» партий»; Английские ученые Р.Маккинли и А. Коан применили метод кластерного анализа, позволяющих путем определенных математических расчетов определить политическую систему как стабильную или нестабильную. Похожий метод применили шведские ученые С. Эрссон и Я.-Э. Лейн. Интересна точка зрения Ф. Сандерса, который говорит о пропорциональности общей нестабильности и роста урбанизации, перенаселения, ослабления механизмов социально-политического контроля, степени торговой и финансовой зависимости о внешних источников.

Одним из ключевых моментов исследуемой проблемы является отношение и взаимосвязь между политической стабильностью и политическими институтами. Политической стабильности грозит опасность, когда недовольство граждан направляется против официальных лиц страны. Сильные

и эффективные политические институты легко могут уладить недовольство прежде, чем возникнет нестабильная политическая ситуация, в отличие от слабых политических институтов. В данном случае особую актуальность начинает приобретать т.н. «культурологическая концепция» Г. Алмонда и С. Вербы, которая связывает характер массового сознания и стабильность демократической системы и концепцию Д. Яворски о «минимальной и демократической стабильности», который утверждает, что «стабильность рассматривается как функция демократии, включающей в себя в том числе и участие граждан в управлении государством посредством институтов гражданского общества. В данном случае нельзя не согласиться с Т. Парсонсом, который полагает, что «система стабильна или находится в относительном равновесии, если отношения между ее структурой и процессами, протекающими внутри нее, и между ней и окружением таково, что свойства и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными». Особенно важной, на мой взгляд, при рассмотрении проблематики политической стабильности современного российского социума, является взаимосвязь и взаимозависимость стабильности и посткоммунистических демократизационных политических процессов. Более того, изучение проблемы политической стабилизации и дестабилизации вследствие институциональных политических трансформаций невозможно без рассмотрения проблемы российского демократического транзита, обладающего определенной спецификой. «Наша страна, вставшая, как подчеркивают транзитологи, на путь одновременного перехода «от диктатуры к демократии», «от империи, имеющей четырехвековую историю, к национальному государству», оказалась в наиболее сложном положении вследствие своей отягощенности труднейшей ношей тоталитарного наследия, а также грузом проблем, порожденных ее огромными размерами, глубокой социальной, культурной и экономической неоднородностью и особой ролью в мировой политике.

Столь широкий спектр применений категории стабильности, свидетельствующий о некоторой «размытости» термина позволяет предложить достаточно большое количество определений, которые можно свести к следующему: стабильность – устойчивость, постоянность, неизменность; способность системы функционировать, сохраняя неизменной свою структуру и поддерживая равновесие. Можно привести более развернутое определение стабильности, рассматривая его как некое устойчивое состояние социальной системы, которое позволяет ей эффективно функционировать и развиваться, сохраняя свою сущность, несмотря на внешнее и внутреннее воздействие. Однако, учитывая специфику и направленность данной работы, выше приведенную дефиницию стабильности необходимо наделить качеством социально-политического. В данном случае социально-политическую стабильность можно определить, как особое свойство политической системы, выражающееся в равномерном и предсказуемом развитии отношении между социально-политическими институализированными структурами федерального и регионального уровней и исключающее возможность возникновения социально-политического кризиса. Именно данное определение, на мой взгляд, является наиболее точным и в максимальной

степени отражает основную сущность исследуемой проблемы и в значительной степени соответствует всем выше перечисленным научным конструктам, объясняющих природу социально-политической стабилизации и социально-политической стабильности. Также данное определение отражает достаточно популярную в современной социологии и политологии точку зрения, что стабильность – есть свойство динамичного, в то время как к статичному данный термин не применим. Именно с этих позиций необходимо рассматривать социально-политические процессы, наполняющие российскую политическую реальность.

Во втором разделе – *«Специфика демократических изменений в современной России»* раскрывается специфика политического изменения и трансформации в целом и российского его аспекта.

В современной социологической и политологической науке проблематика политических изменений стала активно разрабатываться с 50-60 гг. XX века. Возникает закономерный вопрос о том, как же определить это ключевое понятие «политическое изменение». Во-первых, политическое изменение представляет собой специфический тип социальных изменений, связанный прежде всего с переменами в механизме властной регуляции общества. Политическое изменение несет на себе самые общие социологические характеристики любого социального изменения, но ими конечно же не ограничивается. Во-вторых, политические изменения связаны с трансформацией внутри институциональных структур или же с их качественной заменой, обусловленной преобразованием социальной среды, духовно-культурными переменами и т.д. В итоге можно сформулировать следующее рабочее определение анализируемого понятия: политическое изменение – трансформация политических институтов, связанная со сдвигами в балансе социальных акторов, с изменениями их потенциалов и позиционной расстановки политических сил, обусловленными экономическими, духовными, культурными и внесоциальными факторами. Данное определение, как никакое другое, коррелирует с определением социально-политической стабильности, приведенном выше. В вопросе о значении институциональной структуры и ее внешней среды для политических изменений сложилось два основных подхода, «контекстуалистский» и «институционалистский», различающихся в выделении «ведущей» и «ведомой» ролей для указанных детерминант и им соответствующих механизмов детерминации происходящих перемен

1. Контекстуалистский подход.

Данный подход связан с идеей «первичной» роли «социального контекста», «внешней среды», то есть социально-экономической, социокультурной и прочей обусловленности всех развертывающихся политико-институциональных изменений. В силу этого положения не может быть никаких серьезных политических перемен, например, без определенного изменения в уровне и темпах экономического развития. Любопытно, что в широких рамках данного подхода переплетаются позиции марксистских (западный марксизм) и немарксистских авторов (Р. Арон, Р. Даль, Б. Рассет, С. Липсет и др.). Марксистская парадигма политических изменений исходит из идеи их детерминации экономическим базисом общества (прежде всего, производственными отношениями) при относительной самостоятельности и

активной роли политической надстройки (государства и т. д.). Согласно марксистской логике способ производства и формы собственности определяют в конечном счете классовую структуру и расстановку социальных сил, которые в соответствии со своими материально экономическими интересами, в свою очередь, задают направление изменений политических организаций (государства, партий и пр.). Внеэкономические, духовные и культурные факторы в силу этого играют «вторичную», подчиненную роль.

На несколько иных позициях стоят западные либеральные политологи, которые также принимают во внимание динамику и уровни социально-экономического развития при выяснении причин и природы политических изменений в развитых или развивающихся странах. Например, С. Липсет еще в конце 50-х годов поставил вопрос о зависимости становления демократических институтов от уровня экономического развития и темпов индустриального роста, отмечая при этом в одном из своих произведений, что «чем больше нация преуспевает экономически, тем больше у нее шансов для того, чтобы она стала нацией демократической».

2. Институалистский подход

Второй, институционалистский, подход к анализу природы и механизма детерминации политических изменений переводит акценты с их «внешней среды» на «внутреннюю» структуру политической жизни и государственных институтов (С. Хантингтон, Т. Скокпол, Д. Марч и др.). Одна из наиболее серьезных попыток объяснения природы политических изменений при помощи анализа их институциональных механизмов была предпринята в известном исследовании С. Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах». Политические институты здесь представляют собой форму морального консенсуса, организованного согласования интересов и соединения на этой базе линий поведения различных социальных акторов, соотношение сил между которыми постоянно меняется. Возможны самые разные колебания внешней, социальной среды, экономические кризисы и общественные волнения, но все зависит от эффективности и адаптивной реакции институциональных механизмов, их силы и способности управлять страной, поддерживать в ней стабильность. Характер и успех социальных изменений прежде всего зависят, таким образом, от уровня политической институционализации страны. В литературе встречаются и другая классификация: 1. Намеренные и спонтанные; 2. Устойчивые и неустойчивые; 3. Прогрессивные и регрессивные; 4. Институциональные и событийные.

При рассмотрении проблем социально-политических изменений и процессов стабилизации не менее важным является исследование специфики посткоммунистических трансформаций, которые современная наука определяет как «демократизация», «демократический транзит». В широком смысле слова под «демократизацией» понимают переход от недемократических форм правления к демократическим. Необходимо отметить, что столь широкое использование этого понятия в целях характеристики различных видов общественных трансформаций, связанных с демократической волной (См. «Волновую концепцию» С. Хантингтона), не всегда оправдано, так как процесс демократизации не всегда приводит к установлению современных «западных» демократий. Именно по этой причине целесообразнее использовать другой

термин – «демократический транзит», который не предполагает обязательный переход к демократии и указывает на тот факт, что демократизация представляет собой процесс с неопределенными результатами. Поэтому многие исследователи выделяют собственно демократизацию как процесс появления демократических институтов и практик и консолидацию демократии как возможный итог демократии. Процессы политических преобразований в посткоммунистических странах привели к появлению целого ряда разных демократий (См. работы венгерского политолога А. Ага). То обстоятельство, что политический облик многих «новых демократий» остается далеким от стандартов, ожидавшихся в соответствии с традиционными концепциями «демократического транзита», нередко трактуется сегодня как свидетельство существования особых трудностей и препятствий на пути осуществления этого «транзита». В политологической литературе фигурируют рассуждения об исчерпании наступательной динамики демократических преобразований, о том, что на смену «приливной волне» демократизации приходит ее «застой» и что трансформационные процессы вступили в полосу своеобразной «статики». Применительно к характеру политических трансформаций в посткоммунистических странах вообще и в России в частности выдвигаются утверждения о «замораживании» посткоммунистического состояния, о «затягивании транзита». При всей трезвости подобных суждений, нетрудно заметить сохранение их авторами общей убежденности в том, что сегодняшняя заторможенность «транзита» представляет собой лишь переходящее явление в судьбе переживающих демократизацию стран, что рано или поздно этот процесс получит новые импульсы и обретет необходимое ускорение.

Думается, однако, что очевидная на сегодня неоднородность итогов демократических преобразований в посткоммунистических странах, как и в других странах поставторитарного развития, позволяет, по сути дела, отказаться от представления о том, что эти страны пребывают в переходном (более или менее затянутом, но все же временном, переходном) состоянии, и сделать вывод о длительной (не временной, а именно длительной) устойчивости тех характерологических признаков, которые уже обретенны к настоящему времени «новыми демократиями» в силу сугубо специфических особенностей того или иного общества. Большинство из посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, так же как и многие из новых демократий в других регионах уже завершили свои переходы к демократии: они являются вполне сложившимися демократиями, если не оценивать их по неким идеальным стандартам.

К подобным странам можно отнести и Россию, со всей ее спецификой политических изменений, которые выражаются в том, что говорить о глубинной трансформации социально-политических отношений было бы некорректно, так как в российской политической реальности еще присутствуют признаки советского стиля государственного управления, что находит выражение: а) В сохранении методов и механизмов государственного управления, обладающими лишь формальными признаками демократичности; б) Сохранении административно-чиновничьего аппарата; в) Тенденциях к созданию однопартийности, «политика двойных стандартов» в электоральных

процессах и пр.; г) Постоянным вмешательстве государства в экономику; д) Создании культа «Вождя». Все выше изложенное позволяет сделать вывод, что современная российская политическая система является относительно стабильной, но говорить о социально-политической устойчивости преждевременно. Все выше названное позволяет определить политический режим, складывающийся в государстве не как демократический, а как «Авторитарный либерализм», обладающий с одной стороны признаками демократии, а с другой характеризующийся авторитарными методами государственного управления. Достаточно интересной предстает проблема сохранения демократичности в рамках унитарного ужесточения государственного управления. Линия «политического центра» удачно балансирует между демократией и своеобразной формой авторитаризма. Складывающийся из деятельности президента и его команды политический режим, удачно сочетающий такие противоречивые на первый взгляд формы государственного управления, как демократическая и авторитарная, и определяющийся как «Авторитарный либерализм», может свидетельствовать о появлении совершенно новой модели государственного устройства.

Третий раздел - *«Институцирование социально-политической субъектности региона как условие обеспечения социально-политической стабильности»* посвящен раскрытию вопроса взаимосвязи социально-политической стабильности в масштабах всего государства и спецификой регионального устройства и отношений между политическим центром и регионами.

До последних десятилетий понятия «регион» и «регионализм» в нашей стране практически не применялись. Это свидетельствует не столько об отсутствии традиций регионалистики в России, сколько о недостаточном развитии методов комплексного междисциплинарного подхода, в результате которого в Западной Европе и США эта субдисциплина приобрела статус самостоятельного научного направления с присущими ему предметом, методами, системой знаний. Интерес отечественной академической науки к проблемам регионализма проявился во второй половине 1980-х годов в связи с попытками обоснования новых подходов, альтернативных формационному, к исследованию общественно-исторического процесса. Речь идет, в частности, о цивилизационном подходе, в рамках которого особое внимание уделяется изучению регионального деления мира, а также исторических, пространственно-географических и этнокультурных условий генезиса и развития регионов как особых общественных систем.

Сложность построения федеративного государства в России во многом объясняется разностью научных подходов к выработке региональной стратегии. Рассмотрим две точки зрения на проблему. Согласно одной из них, «региональная политика, в строгом понимании, есть рефлексия целого на свою неоднородность. Ее субъектом всегда является некое целое, которое адресует своим частям некоторые свои действия. Региональная политика всегда направлена сверху вниз, от целого к частям. Это традиционный взгляд на вещи. Если мы говорим о региональной политике России, то речь идет о политике федеральных властей относительно российских частей – субъектов федерации. Если мы говорим о региональной политике области, края, то это действия

областных, краевых властей относительно административных районов и городов области, края. Другая точка зрения основана на том, что “новая региональная политика не даруется сверху, а складывается на основе взаимоотношения и уважения интересов России в целом и каждого отдельного региона в конкретной сфере жизнедеятельности. При такой политике преодолевается абстрактный подход к общегосударственным интересам, их приоритету над региональными интересами, защита которых до недавнего времени воспринималась как крамола (местничество, сепаратизм, национализм и т.п.). Практика показывает, что цивилизованный федерализм может успешно складываться лишь на основе встречного движения субъектов Федерации и федерального центра, а не путем “перетягивания каната”. Итак, регионализм – это идеология сочетания интересов центра и региона, политика сбалансирования власти на двух уровнях”.

В связи с этим для современной социологии и политологии первостепенной становится задача разработки содержания понятия “регион” и его производных (например, “региональное развитие”), которое отличалось бы от принятых ранее наименований “экономический район”, “территория”, “зона влияния” и т.д. Новые социальные процессы в материальной и духовной жизни России порождают и соответствующие исследовательские предложения. На наш взгляд, начинает формироваться современнейшая политико-правовая парадигма, имеющая специфические объекты исследования, динамику социальных структур, диалектику соотношения порядка и хаоса, стабилизации и дестабилизации в социальных системах, соотношения баланса сил с балансом интересов и т.д. В научном сообществе складывается представление о новых теоретических и организационно-практических единицах анализа, принципах описания и программирования процессов исторического развития и воспроизводства систем жизнедеятельности. Однако в современной литературе недостаточное внимание уделяется анализу структуры и принципов фокусировки содержания понятий такого типа, что приводит к появлению целого ряда псевдопроблем на уровне практических разработок. В частности, в контексте ситуационного анализа и компаративистских исследований порой одни аспекты регионального строительства и развития противопоставляются другим, упускаются основные регионообразующие факторы, а важнейшие процессы в регионах “схватываются” лишь после того, как они оформились и приобрели ярко выраженный характер.

Наличие региональной политической системы позволяет достичь более высокого, чем в любом территориальном образовании, уровня внутренней организации и саморегулирования. Само понятие “региональная организация” указывает на роль субъективного фактора при регулировании всех аспектов жизнедеятельности высокосложных территориальных образований.

Изменения последних лет, переходный характер и неустойчивость политической системы современной России обуславливают необходимость научного осмысления механизмов и способов трансформации прежнего общественного строя – как в соответствующем теоретическом контексте, так и в условиях разворачивающегося политического процесса. В контексте выше сказанного необходимо отметить следующее: Во-первых, имманентно присущие переходному периоду серьезные кризисные явления на федеральном

уровне, которые неизбежно сказываются на состоянии и тенденциях эволюции региональных систем (тотальная бюрократизация, отчуждение граждан страны от властной вертикали и пр.). Во-вторых, действия или санкции, нарушающие нормальное функционирование региональной системы, предпринимаемые, например, в ходе “позиционной” войны федерального центра с регионом по поводу разделения полномочий, или вмешательство центра в кадровую политику региональных властных структур. В-третьих, своего рода процессы энтропии, идущие внутри региональной системы и приводящие к торможению реформ: имитация ее политической элитой реформаторской деятельности, торможение динамики некоторых направлений регионального развития, латентная кооперация с контрэлитой, затянувшееся противоборство исполнительной и законодательной ветвей власти, блокирование судебной системы. В-четвертых, ускорение, разнообразие, изменчивость как неизбежные спутники “открывающейся” системы в пространстве рынка создают многочисленные диспропорции, способные породить деструктивные процессы в регионе и привести к социальной аномии, перераспределению социальных и политических статусов групп и отдельных индивидов, неадекватности политической элиты происходящим в региональном сообществе процессам, подрыву традиционной аксеологической модели.

В ходе реформы российской политической системы обнаружилась несостоятельность многих традиционных представлений о власти и властных отношениях. Во-первых, стало очевидным, что политическая власть не тождественна государственной власти – политическими акторами в новых социальных условиях стали общественные движения, группы интересов, ассоциации и партии. Возникновение новых центров силы привело к рассредоточению власти по всему политическому пространству региона, образуемому взаимодействием политических субъектов. Причем вновь возникающие политические субъекты зачастую действуют в рамках традиционной региональной идеологии и культуры, что позволяет говорить об их устойчивости, обеспечивающей механизм воспроизводства господствующих в обществе стереотипов. Во-вторых, Конституцией РФ 1993 г. в качестве стержня властных отношений утверждены структуры исполнительной власти, а большинство первых лиц этих структур сегодня одновременно являются лидерами.

Разрушение прежних механизмов взаимодействия федеральных и региональных элит дало полный простор для политического самовыражения “на местах”, апогеем которого стало противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти 90-х гг. Ситуация, существующая на федеральном уровне, повторяется и на уровне региональном, хотя структуры последнего не так сложны как федеральные. В этнических республиках, как правило, доминируют организованные по патриархально-патерналистскому принципу режимы, сформировавшиеся на базе основной этнической группы, в центре которой стоит самый мощный ее клан (ситуация в Татарстане при президенте М.Шаймиеве). Для некоторых регионов характерна легитимация, в основе которой лежит традиция сохранения прежних лидеров – меняется только название их должностей. Такая несменяемость бывших компартийных

лидеров наблюдается, в частности, на Северном Кавказе. Определенное значение традиционная легитимность имеет и в других национальных республиках, а также в наиболее консервативных русских областях (где часто сочетаются две традиции – “национально-патриархальная” и советская).

Условиями стабильности региона, которые проявляются в ходе реализации политики, являются гибкость и оперативность органов власти и политического лидера в процессе принятия решений, регулирующих внутренние социальные процессы и отношения с внешней средой. На стабильность региона влияют не только объективные, фундаментальные факторы – экономические, демографические, географические, исторические, – но и ряд субъективных: идеологические и ценностные ориентации, духовная культура, личностные качества политических лидеров и администраторов высокого ранга, т.е. лиц, принимающих решения. Именно они в значительной степени определяют формы политических региональных институтов, методы и способы их функционирования.

Социально-политическая стабильность региона проявляется в способности государственной власти при помощи имеющихся в ее распоряжении материальных и политических ресурсов контролировать и регулировать внутреннюю социально-политическую ситуацию, определять курс по отношению к федеральному центру и другим субъектам Федерации в критических условиях, например, при возмущениях различной природы (рост недовольства политической властью, экономический спад, финансовое и военное давление федерального центра). Иными словами, стабильность региона означает способность региональной власти навязывать свою волю в жизненно важных для ее существования и воспроизводства сферах и преодолевать критические ситуации. Имеет смысл перечислить факторы, влияющие на уровень социально-политической стабильности региона.

1. Социально признанная степень удовлетворения потребностей тех или иных группировок как стимул к высвобождению их активности. Эта степень удовлетворенности, а также сами потребности публично артикулированы в программном продукте той или иной общественной организации (партии, ассоциации, движения и т.д.), отражающем интересы своей социальной основы, что в принципе способствовало бы повышению ее активности. Вместе с тем череда выборов, прошедших в регионах за последние годы, по определению должна была бы удовлетворить потребности основных групп населения, но этому препятствовали такие причины, как: изменение социальной структуры в силу ее дифференциации (появление новых страт); отсутствие реального, признаваемого самой социальной группой политического представительства; различные, порой полярные, представления о путях и перспективах развития России и/или ее регионов у властных группировок и оппозиции; “холодная война”, грозящая перерасти в “горячую”, между исполнительной и законодательной ветвями власти в центре и трансляция подобного раскола на региональный уровень.

2. Оценка властью масштабов реальной силы каждой региональной группировки, т.е. ее экономического потенциала и эффективности его использования; степени организованности (ее показателем для власти является эффективность функционирования госаппарата, а для населения – степень его

вовлеченности в политические и другие организации и уровень политической культуры); активности политической оппозиции и готовности ее к действию; уровня интенсивности информационного обмена (т.е. скорости распространения и внедрения в массовое сознание новых идей).

3. Соотношение реальных сил всех региональных группировок в их взаимодействии.

4. Способность власти маневрировать пределами уступок.

5. Взаимоотношения власти с группировками, не участвующими в процессе управления, но имеющими реальный политический вес (в Нижегородском регионе были созданы Общественная палата согласия, объединившая все политические группировки региона и научный семинар при областной администрации "Фундаментальные и прикладные исследования региона").

6. Наличия культуры разрешения конфликтов, которая, в свою очередь, зависит от общего уровня развития региональной политической культуры. Если последний невысок, то в условиях экономического кризиса и растущих претензий к местной власти политическим лидерам трудно будет развивать процедурный консенсус, необходимый для приведения требований конфликтующих групп в соответствие с ограниченными властными ресурсами. В этих условиях оппозиция может убедить население, что в их бедах виновата существующая региональная политика и что только новые политические установки, обуславливающие принятие решений, помогут решить все проблемы.

Одна из самых острых проблем в этом плане - значительные различия субъектов Федерации по уровню социально-экономического развития, хотя существенные различия по уровню среднедушевого производства, доходам, темпам экономической динамики недопустимы в едином федеративном государстве. Отсюда, сфера экономических взаимоотношений является базой конфликтов, возникающих между субъектами Федерации.

Влияние российского федерализма на публичную сферу в решающей степени определяется особенностями федеративного устройства страны. В чем же они проявляются?

Во-первых, в мире нет федераций, сопоставимых с РФ по количеству субъектов. Многочисленность последних создает качественно особую ситуацию и делает предельно трудным или даже невозможным использование механизмов, доказавших свою применимость в других странах. Чтобы обеспечить устойчивость этой системы и эффективность принимаемых в ней управленческих решений, необходимо резко сократить число ее полноправных субъектов либо создать дополнительные структуры, которые бы компенсировали чрезмерную диверсификацию.

Во-вторых, формальное равноправие субъектов РФ находится в вопиющем противоречии с беспрецедентными географическими и социально-экономическими различиями между ними: а) по площади территорий (между республиками Саха и Северная Осетия — в 388 раз); б) по численности населения (между Москвой и Эвенкийским АО — в 443 раза); в) по степени урбанизации (от стопроцентной в Москве до нулевой в Усть-Ордынском Бурятском АО); г) по объему валового национального продукта на душу населения (между Ямало-Ненецким АО и Республикой Ингушетия — в 36

раз); д) по уровню бюджетных доходов на душу населения (между Ямало-Ненецким АО и Республикой Ингушетия — в 178 раз); е) по уровню бюджетных расходов на душу населения (между Ямало-Ненецким АО и Республикой Ингушетия — в 22,5 раза).

Названные различия лишь частично объясняются естественными причинами (географическими особенностями расположения и размерами страны, исторически сложившимся размещением населения и производительных сил и т.д.). Во многом они являются результатом идеологически и политически обусловленной деятельности властных структур и местных элит на протяжении XX в.

Абсолютный политический контроль за деятельностью региональных политических элит, выражающийся в значительном укреплении президентской власти, определяет политическую ситуацию в регионах как «сверхстабильную». Сегодня практически невозможно представить самостоятельную активизацию региональных политических сил, идущую в разрез с целями политического «Центра». Взаимодействие «политического региона» и «политического центра» в настоящий момент можно определить как отношение «стабильного» и «сверхстабильного». Постепенно принципы политического федерализма сменяются принципами политического унитаризма, где осуществление самостоятельной региональной политической инициативы не представляется возможным. Исходя из этого можно сделать следующий вывод: **относительная дестабилизация или снижение политической стабильности может иметь место исключительно вследствие действия дестабилизационных процессов внутри самого «политического центра», но никоим образом не может быть инициирована в регионах.** Региональные политические элиты прекрасно осознают, что любые попытки проведения собственной политической линии чреваты серьезными последствиями для этой самой политической элиты. Однако в общероссийских масштабах никто, по всей видимости, не хочет и не может добиваться решения своих проблем с помощью открытой конфронтации. Ничего, напоминающего внутренний конфликт М. Горбачева с партийными консерваторами в годы перестройки или публичное, провокационное противостояние Б. Ельцина сначала Верховному Совету, потом КПРФ, сейчас не просматривается. Никакая парламентская оппозиция и вообще никакая политическая сила — ни «левая», ни «правая», ни воинственно-патриотическая — не могут сейчас решиться на прямое противостояние президентскому «центру».

В заключении подводятся итоги исследования, даются теоретические обобщения и выводы, формулируются практические рекомендации и намечаются пути дальнейшего изучения проблемы.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

1. Бабошин К. И. Проблема политической стабильности в современной социологической и политологической науке//Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества//под. ред. Г. В. Дильнова. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та 2004. Вып. 11. С. 67-71.

2. Бабошин К. И. Молодежь и социально-политическая стабильность//Некоторые проблемы социально-политического развития

современного российского общества//под. ред. Г. В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 2004. Вып. 11. С. 92-94.

3. Бабошин К. И. Категория «стабильности» в теории государственного управления//Модели и механизмы социально-экономического развития//под. ред. А.С. Борщова. – Саратов: Изд-во «Научная книга» 2004. С. 16-19.

4. Бабошин К. И. Социально-политическая стабильность и эффективность демократических институтов//Социальные и духовные основания общественного развития//под. ред. А.С. Борщова. – Саратов: Изд-во «Научная книга» 2004. С. 37-41.

5. Бабошин К. И., Завгородный А.И. Проблематика политической стабильности и политической устойчивости в контексте политического развития//Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества: сб. науч. трудов//под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во «Научная книга» 2005. Вып. 12. С. 82-85.

Подписано к печати 17.11.2004 г.
Тираж 100

Заказ 530
Объем: 1 л.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Центр полиграфических и копировальных услуг
Предприниматель Серман Ю Б Свидетельство № 3117
Саратов, ул. Московская, д 152, офис 19

23391

РНБ Русский фонд

2006-4

25894